Автор: admin
03.10.2010 21:54 -

«Братья Карамазовы»: соционические типы героев

Поскольку в романе «Братья Карамазовы» очень много персонажей и на подробное рассмотрение их в данной статье нет места, то я предлагаю свою версию соционических типов главных персонажей и привожу некоторые доказательства.

1. Карамазов-старший

«Теперь же скажу об этом «помещике» (как его у нас называли, хотя он всю жизнь совсем почти не жил в своем поместье) лишь то, что это был странный тип, довольно часто однако встречающийся, именно тип человека не только дрянного и развратного, но вместе с тем и бестолкового, — но из таких, однако, бестолковых, которые умеют отлично обделывать свои имущественные делишки, и только кажется одни эти. Федор Павлович, например, начал почти что ни с чем, помещик он был самый маленький, бегал обедать по чужим столам, норовил в приживальщики, а между тем в момент кончины его у него оказалось до ста тысяч рублей чистыми деньгами. И в то же время он всё-таки всю жизнь свою продолжал быть одним из бестолковейших сумасбродов по всему нашему уезду. Повторю ещё: тут не глупость; большинство этих сумасбродов довольно умно и хитро — а именно бестолковость, да еще какая-то особенная, национальная». С моей точки зрения, Федор Павлович Карамазов — это один из самых отвратительных образцов соционического типа *этико-интуитивный экстраверт* (ЭИЭ, ET) — что говорит, кстати, о «квадровых предпочтениях» самого Ф. М. Достоевского; на мой взгляд, во многих его произведениях, в том числе и в «Братьях Карамазовых» (что будет видно из приведенного ниже анализа) 2-я квадра представлена практически сплошь отрицательными или, как минимум, «неоднозначными» героями, в то время как наибольшего сочувствия удостоились герои из противоположной, 4-й квадры. Аргументами в пользу
программной
экстравертной этики
(E) Карамазова-старшего может служить то, что он считался одним из самых вольнодумных и насмешливых людей своего города, хотя на самом деле это был всего лишь злой шут, способный на всю гамму демонстрации чувств, от истерики до оргии. Весьма характерна для его
программной
функции сцена, которую он разыграл в монастыре, куда приехал якобы для примирения с сыном. Даже побои он умел обращать в свою пользу. Так, например, когда Дмитрий избил его в припадке ревности, он тут же надел красную повязку, чтобы произвести впечатление на Грушеньку. О его
интуиции
говорит умение использовать время в своих интересах. Например, он заметил, что его сын Дмитрий «

легкомыслен, буен, со страстями, нетерпелив, кутила и которому только чтобы что-нибудь временно перехватить и он хоть на малое время, разумеется, но тотчас успокоится. Вот это и начал эксплуатировать Фёдор Павлович, то есть отделываться малыми подачками, временными высылками, и в конце концов так случилось, что когда, уже года четыре спустя, Митя, потеряв терпение, явился в наш городок в другой раз, чтобы совсем уж покончить дела с родителем, то вдруг оказалось, к его величайшему изумлению, что у него уже ровно нет ничего, что и сосчитать даже трудно, что он перебрал уже деньгами всю стоимость своего имущества у Фёдора Павловича, может быть, еще даже сам должен ему
».
Волевая сенсорика
(F) — это
активационная
функция; поэтому он уважает силу, давит и попрекает только слабых. Например, первая жена его била, и он это терпел, зато свёл в могилу вторую жену, которая не могла дать ему отпор. Его болевая
сенсорика ощущений
(S) проявилась, когда младший сын Алёша заявил ему о своем желании поступить в монастырь: «И он даже расхныкался. Он был сентиментален. Он был зол и сентиментален».

2. Дмитрий Карамазов

«Нет, широк человек, слишком даже широк, я бы сузил. Чёрт знает, что такое даже, вот что! Что уму представляется позором, то сердцу сплошь красотой. В Содоме ли красота? Верь, что в Содоме-то она и сидит для огромного большинства людей — знал ты эту тайну иль нет? Ужасно то, что красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут дьявол с богом борется, а поле битвы — сердца людей». Я думаю, что Дмитрий принадлежит к соционическому типу *этико-сенсорный экстраверт* (ЭСЭ, ES). В пользу
этики эмоций
(E) говорит и вышеприведенная цитата, и сцена ревности, которую он устроил отцу, когда ему померещилось, что тот прячет у себя Грушеньку. Да и вся история его преступления говорит скорее об
этике
, чем о
логике
: «роковая» записка, ладанка на груди, пестик, который он схватил в доме у Грушеньки на глазах у прислуги, пачка денег, которую он открыто нес в окровавленных руках. Словом, хватай и отправляй на каторгу, все улики налицо. О его
сенсорике ощущений
(S) говорит как его внешний вид физически сильного молодого человека, так и манера одеваться. «Вошёл он безукоризненно и щегольски одетый, в застегнутом сюртуке, в черных перчатках и с цилиндром в руках. Как военный недавно в отставке, он носил усы и брил пока бороду. Темно-русые волосы его были коротко обстрижены и зачесаны

как-то височками вперед. Шагал он решительно, широко, по-фрунтовому. На мгновение остановился он на пороге и, окинув всех взглядом, прямо направился к старцу, угадав в нем хозяина». На суде «
он явился ужасным франтом, в новом с иголочки сюртуке. Я узнал потом, что он нарочно заказал к этому дню себе сюртук в Москве, прежнему портному, у которого сохранилась его мерка. Был он в новешеньких черных лайковых перчатках и в щегольском белье. Он прошел своими длинными аршинными шагами, прямо до неподвижности смотря пред собою, и сел на свое место с самым бестрепетным видом
». Его
болевой
функцией была
интуиция времени
(Т), поэтому он жил одним днём и не умел ничего предвидеть, чем и пользовались более дальновидные люди, подобные его отцу.

3. Иван Карамазов

«Ну так представь же себе, что в окончательном результате я мира этого божьего — не принимаю, и хоть и знаю, что он существует, да не допускаю его вовсе. Я не бога не принимаю, пойми ты это, я мира, им созданного, мира-то божьего не принимаю и не могу согласиться принять. Оговорюсь: я убежден как младенец, что страдания заживут и сгладятся, что весь обидный комизм человеческих противоречий исчезнет как жалкий мираж, как гнусненькое измышление малосильного и маленького, как атом, человеческого эвклидовского ума, что наконец в мировом финале, в момент вечной гармонии, случится и явится нечто до того драгоценное, что хватит его на все сердца, на утоление всех негодований, на искупление всех злодейств людей, всей пролитой ими их крови, хватит, чтобы не только было возможно простить, но и оправдать всё, что случилось с людьми, — пусть, пусть это всё будет и явится, но я-то этого не принимаю и не хочу принять!» Он рос угрюмым и закрывшимся в себе отроком, далеко не робким, но с десяти лет понявшим, что они живут в чужой семье и на чужих милостях, и что об его отце даже стыдно говорить. Очень скоро он стал обнаруживать необыкновенные способности к учению. Он окончил гимназию, а потом университет. В университете ему пришлось туго, так как он вынужден был кормить сам себя и в то же время учиться. Ему ни разу не пришло в голову просить денег у отца, впрочем, он, наверное, понимал, что не допросишься. Но он не потерялся: давал уроки, писал статьи в газеты, причем чаще всего это были статьи об уличных происшествиях, но любопытно и пикантно составленные. Постепенно он стал известен в литературных кругах. Однажды он прославился статьей, посвященной церковным судам, которую прочитали в городе и в монастыре. Всех удивило, когда он неожиданно поселился в доме отца, но еще более странным показалось то, что они ужились. Более того, сын приобрел влияние на старика и тот даже стал вести себя приличнее. С моей точки зрения, вышеприведенные факты говорят за *логику* и *интроверсию*, а из четырёх видов темперамента к нему более всего подходит « *стабильно-уравновешенный*».
Его подчеркнутая независимость (происходящая из стеснительности, нежелания навязывать другим свои

сенсорные
проблемы) указывает на то, что он скорее
логико-интуитивный интроверт
(ЛИИ, LI). Мои аргументы следующие. О его
программной
структурной логике
(L) говорит хорошее аналитическое мышление, постоянное стремление обобщать факты и создавать системы мировоззрения. Однажды, находясь в обществе, преимущественно дамском, он заявил, что на свете нет ничего такого, что заставляло бы людей любить себе подобных, что нет такого закона, чтобы человек любил все человечество, что любовь бывает только от веры в бессмертие. Если уничтожить в человеке веру в бессмертие, то в нем иссякнет не только любовь, но и всякая живая сила. В этом случае нравственный закон природы должен немедленно измениться в полную противоположность, и эгоизм до злодейства должен быть не только позволен, но и признан самым разумным и чуть ли не благороднейшим исходом в его положении. На беду Ивана эти абстрактные теоретические положения дошли до ушей лакея Смердякова, который сделал из них вполне практические выводы. Самым ярким проявлением его
творческой
функции (
интуиции возможностей
— I) я считаю сочиненную им поэму «Великий инквизитор». Эта поэма сразу же привлекла внимание тогдашних мыслителей: Леонтьева, Соловьева, Розанова, Бердяева и других. Да и в наше время к ней не утрачен интерес. Его
болевая
функция —
волевая сенсорика
(F). Она проявилась в полной мере, когда Иван испытал на себе сильнейшее воздействие Смердякова, у которого
волевая сенсорика
является
творческой
функцией. Он очень болезненно воспринял свою слабость и постарался избежать стрессовой ситуации, за что потом и расплатился в полной мере. О
ролевой
этике отношений
R (функции демонстрируемой, но всё же слабой) говорит следующая фраза: «Я хочу сойтись с тобой, Алёша, потому что у меня нет друзей, попробовать хочу».

4. Алёша Карамазов

«Едва только он, задумавшись серьезно, поразился убеждением, что бессмертие и бог существуют, то сейчас же естественно сказал себе: «Хочу жить для бессмертия, а половинного компромисса не принимаю». Точно так же, если б он порешил, что бессмертия и бога нет, то сейчас бы пошел в атеисты и в социалисты». Я думаю, что

Алеша принадлежит к соционическому типу *этико-интуитивный интроверт* (ЭИИ, RI). Приведу цитату, которая говорит о том, что его *программная* функция — это *этика отношений* (R): «В детстве и юности он был мало экспансивен и даже мало разговорчив, но не от недоверия, не от робости или угрюмой нелюдимости, вовсе даже напротив, а от чего-то другого, от какой-то как бы внутренней заботы, собственно личной, до других не касавшейся, но столь для него важной, что он из-за нее как бы забывал других. Но людей он любил: он, казалось, всю жизнь жил, совершенно веря в людей, а между тем никто и никогда не считал его ни простачком, ни наивным человеком. Что-то было в нём, что говорило и внушало (да и всю жизнь потом), что он не хочет быть судьёй людей, что он не захочет взять на себя осуждения и ни за что не осудит. Казалось даже, что он всё допускал, нимало не осуждая, хотя часто очень горько грустя. Мало того, в этом смысле он до того дошёл, что его никто не мог ни удивить, ни испугать, и это даже в самой ранней своей молодости. Явясь по двадцатому году к отцу, положительно в вертеп грязного разврата, он, целомудренный и чистый, лишь молча удалялся, когда глядеть было нестерпимо, но без малейшего вида презрения или осуждения кому бы то ни было». О его *интуиции возможностей* (I) говорит тот факт, что он, не окончив курса гимназии, ушел в монастырь. Он «*вступил он на эту дорогу потому только, что в то время она одна поразила его и представила ему разом весь идеал исхода рвавшейся из мрака к свету души его*». В таком виде данная функция проявляется именно у *интровертов* — *экстраверт* бы скорее предпочёл бессистемно накапливать знания, чем искать идеал в уединении.

5. Павел Смердяков

«Рассудите сами, Григорий Васильевич, — ровно и степенно, сознавая победу, но как бы и великодушничая с разбитым противником, продолжал Смердяков, — рассудите сами, Григорий Васильевич: ведь сказано же в писании, что коли имеете веру хотя бы на самое малое даже зерно и при том скажете сей горе, чтобы съехала в море, то и съедет ни мало не медля, по первому же вашему приказанию…Ибо если бы даже кожу мою уже до половины содрали со спины, то и тогда по слову моему или крику не двинулась бы сия гора. Да в этакую минуту не только что сумление может найти, но даже от страха и самого рассудка решиться можно, так что и рассуждать-то будет совсем невозможно. А, стало быть, чем я тут выйду особенно виноват, если, не видя ни там, ни тут своей выгоды, ни награды, хоть кожу-то по крайней мере свою сберегу?». Полагаю, что Смердяков — *логико-сенсорный интроверт* (ЛСИ, LF). В пользу *интроверсии* говорит его нелюдимость и молчаливость, а в пользу *структурной логики*

(L) говорят его рассуждения. Однажды слуга Григорий услышал в лавке историю, как один русский солдат, попав в плен к азиатам, не захотел отказаться от христианства и перейти в ислам. Он принял муки и умер как герой. Смердяков, услышав этот рассказ, усмехнулся и сказал, что не было бы греха этому солдату, если бы он отказался от Христа и спас свою жизнь, а потом искупил бы вину добрыми делами. Старик Карамазов заметил, что такого солдата сразу же отправили бы в ад и поджаривали бы как барана, но Смердяков настаивал на том, что греха не будет. От него потребовали доказательств. Он пояснил, что как только кто-либо отречётся от Христа, то в тот же момент крещение с него снимется, и он сделается все равно, что язычник. А раз он уже разжалован в язычники, то с него уже и не будут спрашивать как с христианина. А раз спроса нет, то дело ограничится самым малым наказанием. В пользу его
волевой сенсорики
(F) говорит то, что в детстве он любил вешать кошек, а потом хоронил их с церемонией, то есть надевал на себя что-то вроде ризы и махал чем-нибудь над мертвой кошкой, как будто кадил. О
сенсорике
говорит и то, что был очень брезглив: сидит за супом, возьмет ложку и ищет, ищет в супе, возьмет ложку и смотрит на свет. То же самое с хлебом, мясом и всеми кушаньями. Платье он тщательно вычищал по два раза в день, а сапоги чистил особой английской ваксой. В честности его Федор Павлович был уверен. Раз он в пьяном виде выронил три денежные бумажки, а на следующий день они уже лежали у него на столе. Их поднял Смердяков. Вообще старик Карамазов его любил, хотя тот и на него смотрел косо и все молчал. Казалось, он копил свои впечатления с жадностью, сам не зная зачем. Темперамент Смердякова лучше всего описывается словами «
стабильно-уравновешенный
».
Интуиция возможностей
(I) — это
болевая
функция Смердякова. Он оценивал мир в чёрно-белых красках и не видел разницы между собой и Иваном. Он стремился подчинить мир своему влиянию и думал, что Иван поступает так же, как и он, то есть что он хочет убить отца ради денег. Он решил, что Иван не будет убивать сам, но охотно примет эту услугу от него, Смердякова. Когда он понял свою ошибку, было уже поздно. «
А говорили, всё позволено»
, — были его последние слова. Таковы основные персонажи «Братьев Карамазовых».

Автор - Инна Блашко